

МЫСЛЬ, ЯЗЫК И МИР В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ: ТРИ ВЗГЛЯДА

А. В. Арапов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 января 2022 г.

Аннотация: Рассел начинает с позиционирования себя в качестве реалиста и эмпирика, но заканчивает утверждением о том, что объекты – это логические фикции, сконструированные из элементов чувственного опыта. Куайн делает вывод, что референция и онтология являются относительными, обусловленными нашими собственными способами мышления. Мы не только не можем сказать, что нечто существует; мы не можем даже, строго говоря, сказать, что некто верит в то, что оно существует. Крипке утверждает, что между мной и реальностью существует прямая связь. Мы не отделены от реальности облаком концепций; мы напрямую контактируем с реальностью. У нас есть прямая, непосредственная связь с реальностью, которая не зависит от того, что мы думаем и говорим.

Ключевые слова: референция, аналитическая философия, обозначение, Сол Крипке, Бертран Рассел, Уиллард Ван Орман Куайн.

Abstract: Russell begins by positioning himself as a realist and empiricist, but ends by stating that objects are logical fictions constructed from elements of sensory experience. Quine concludes that reference and ontology are relative, conditioned by our own ways of thinking. Not only can we not say that something exists; we cannot even, strictly speaking, say that one believes that it exists. Kripke claims that there is a direct connection between me and reality. We are not separated from reality by a cloud of concepts; we are in direct contact with reality. We have a direct, immediate connection to reality that is independent of what we think and say.

Key words: reference, analytic philosophy, description, Saul Kripke, Bertrand Russell, Willard Van Orman Quine.

В 1905 г. (в том же году, когда Альберт Эйнштейн опубликовал свою работу по специальной теории относительности) Бертран Рассел (1872–1970), крестник Джона Стюарта Милля, опубликовал короткое эссе «Об обозначении» в ведущем британском философском журнале «Mind» [1]. Господствующей тенденцией в философии Англии и Германии был идеализм. Рассел, как и его крестный отец, эмпирик, встал на сторону реализма – концепции реальности окружающего мира. По крайней мере, так казалось долгое время. По меркам того времени, работа была не похожа на философское исследование. Статья Рассела, главным образом, посвящена слову «the». Он глубоко интересовался этой темой и однажды сказал, что попытался бы исследовать теорию значения «the», даже будь он самым последним болваном. Но большинство философов в 1905 г. не

посчитали изучение определенного артикля стОящим философским проектом, как и в принципе – философским. С современной точки зрения, это эссе имеет ряд серьезных недостатков. Его тема не вполне определена. Автор утверждает, что эссе посвящено «обозначающим фразам», но никогда не дает определения – лишь перечисляет примеры: «человек», «какой-то человек», «любой человек», «каждый человек», «все люди», «нынешний король Англии», «нынешний король Франции» и пр. Лингвисты сегодня назвали бы это словосочетаниями или существительными. Но с этой точки зрения, список Рассела выглядит странно: как насчет «многих мужчин», «большинства мужчин», «немногих мужчин», «пяти мужчин», «бесконечно многих мужчин, побывавших в Лондоне», «моей младшей дочери»? Основное внимание в эссе уделяется определенным дескрипциям, сформированным с помощью определенного артикля «the». Почему это вообще должно быть интересно? Рассел рассматривает определенные дескрипции как один из ключевых способов связи языка с миром. Как соотносится наша мысль с миром? Трудно анализировать мысль как таковую, но надо обратить внимание на тот факт, что мы выражаем мысли посредством языка. Итак, возможно, если мы сможем понять, как язык соотносится с миром, мы поймем, как соотносится с миром мысль. Рассел выдвигает теорию референции на первый план как ключевое отношение между языком или мышлением и миром. С его точки зрения, построение теории референции является центральной философской задачей, поскольку она сообщает, как наши слова и, в конечном счете, наши мысли связаны с миром.

Рассел по существу отстаивает то, что мы сейчас называем классической логикой первого порядка. Обращаясь к определенным дескрипциям, он анализирует предложения вида «(The) F есть G», «Существует не менее одного F», «Существует не более одного F», и «Каждое F есть G».

Исходя из концепции Рассела можем записать предложение «(The) F есть G» с помощью символов логики первого порядка следующим образом:

$$\exists x((F(x) \wedge \forall y(F(y) \supset x=y)) \wedge G(x)).$$

Неформально это можно прочесть так: «Если существует нечто, обладающее свойством F, то есть только одна такая вещь, и эта уникальная вещь обладает также свойством G».

Но здесь возникает проблема, на которую указал П. Ф. Стросон [2]. Эта проблема касается «неполных» определенных описаний, то есть фраз, которые имеют форму определенных описаний, но не обозначают объект однозначно. По аналогии с вышеприведенным примером предложение «Пишущая машинка – черная» утверждает, что есть как минимум одна пишущая машинка, есть как максимум одна пишущая машинка, и каждая пишущая машинка – черная. Очевидно, что это не так. Существует не только одна пишущая машинка, и не все пишущие машинки черные. Чтобы дать теории Рассела шанс, мы должны ограничиться объектами в некоторой области дискурса, определяемой контекстом,

а не просто существующими в мире [ibid.]. Это семантический подход. Сторонники прагматического подхода предлагают другое решение этой проблемы. Они различают само предложение и акт его произнесения. В данном случае предложение ложное, но акт его произнесения сообщает слушателю истинную информацию.

Рассел утверждает, что его анализ решает несколько задач. Одна из них – взаимозаменяемость тождественных: если $a = b$, то всё, что истинно для a , истинно и для b . Таким образом, замена « a » на « b » должна сохранить истинностное значение. Если я говорю с тобой, и я – Иван Петров, то Иван Петров говорит с тобой. Если Рассел писал «Об обозначении» и Рассел был крестником Джона Стюарта Милля, то крестник Джона Стюарта Милля писал «Об обозначении». Но это не всегда срабатывает. Рассмотрим два предложения: «Утренняя звезда появляется на небосклоне утром» и «Вечерняя звезда появляется на небосклоне вечером». С традиционной точки зрения оба выражения: «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда» – обозначают один и тот же объект – Венеру. Но тогда, проведя подстановку, мы получим: «Утренняя звезда появляется на небосклоне вечером». Однако, с точки зрения Рассела, обозначающие выражения в этих предложениях ничего сами по себе не обозначают и поэтому их нельзя считать синонимами и заменять друг друга. Оба предложения надо подвергнуть анализу и представить следующим образом: «Есть одна уникальная вещь, такая, что это утренняя звезда, и она появляется на небосклоне утром». «Есть одна уникальная вещь такая, что это вечерняя звезда, и она появляется вечером». Рассел считает, что обозначающие слова и фразы имеют значение только в контексте предложения и не имеют значений сами по себе. «Предложение “F есть G” не имеет никакой конституенты, соответствующей “F”», – говорит он. «F» – это неполный символ, сам по себе он ничего не значит. Возьмем другой пример (его приводит сам Рассел). «Георг IV пожелал узнать, был ли В. Скотт автором “Уэверли”». Проведя подстановку, мы получим, что Георг IV пожелал узнать, был ли Скотт Скоттом. Рассел язвительно замечает: «Но интерес к закону тождества едва ли можно приписать первому джентльмену Европы». Вот как он решает эту задачу. «Скотт был автором “Уэверли”» не содержит никакой конституенты, соответствующей «автору “Уэверли”». Следовательно, возможности замены Скотта на «автора Уэверли» здесь не существует. Это предложение означает, что «Уэверли» написал ровно один человек, и этим человеком был Скотт. Предложение «Георг IV желал знать, был ли Скотт автором “Уэверли”» распадается на две формулировки: «Георг IV хотел знать, действительно ли один человек написал “Уэверли”» и «Георг IV хотел знать, был ли этот человек Скоттом».

Вторая проблема связана с утверждениями о несуществующих объектах. Рассел использует пример: «Нынешний король Франции не лысый». По закону исключенного третьего из двух противоречащих друг другу суждений: «Нынешний король Франции лысый» и «Нынешний

король Франции не лыс» – одно должно быть истинным. Но у Франции сейчас нет короля. Итак, мы не найдем нынешнего короля Франции ни в списке лысых, ни в списке не лысых. «Гегельянцы, любящие синтез, вероятно, решат, что он носит парик». Но здесь есть существенная двусмысленность. Используя подход Рассела, можно обнаружить, что существуют два возможных чтения этого предложения. Введем обозначения. $B(x)$ – x лысый и $K(x)$ – x является нынешним королем Франции. Мы получаем два утверждения.

$$\exists x((K(x) \wedge \forall y(B(y) \supset x=y)) \wedge \neg B(x))$$

«Существует одна и только одна сущность, которая является нынешним королем Франции и не является лысой»;

$$\neg \exists x((K(x) \wedge \forall y(B(y) \supset x=y)) \wedge B(x))$$

«Ложно, что существует одна и только одна сущность, которая является нынешним королем Франции и является лысой».

Первый вариант ложный, поскольку он утверждает существование несуществующей сущности, а второй – истинный, поскольку отрицание ложного утверждения является истинным.

П. Ф. Стросон подвергает критике и этот анализ. Он утверждает, что Рассел не смог правильно определить, что имеется в виду, когда кто-то произносит предложение в форме «Нынешний король Франции не лыс». По словам Стросона, это предложение не противоречит предложению «Никто не является нынешним королем Франции», поскольку первое предложение не содержит экзистенциального утверждения, но пытается использовать «нынешнего короля Франции» в качестве обозначающей фразы. Поскольку в настоящее время нет короля Франции, эта фраза ни к чему не относится, и поэтому предложение не является ни истинным, ни ложным.

В свою очередь, Кит Доннеллан подверг критике и Рассела и Стросона [3]. Он утверждает, что и Рассел, и Стросон делают ошибку, пытаясь проанализировать предложения, удаленные из их контекста. Мы можем иметь в виду разные вещи, используя одно и то же предложение в разных ситуациях.

Например, предположим, что Смит был жестоко убит. Когда человек, который обнаруживает тело Смита, говорит: «Убийца Смита безумен», – мы можем анализировать предложение по Расселу. В этом случае первооткрыватель тела мог бы сформулировать эквивалентное утверждение: «Кто бы ни убил Смита, он безумен». Теперь рассмотрим другой случай: предположим, что Джонс, хотя и невиновен, был арестован за убийство Смита и сейчас находится под следствием. Когда репортер видит, как Джонс разговаривает сам с собой за пределами зала суда, то она описывает то, что видит, говоря: «Убийца Смита безумен». В этом случае мы не должны принимать анализ Рассела как правильно отражающий утверждение репортера. Согласно анализу Рассела, это предложение следует понимать как соединение трех компонентов:

существует такой x , что:
 x убил Смита;
нет y не равного x , такого, что y убил Смита;
 x безумен.

Если этот анализ утверждения репортера был верным, то получается, что репортер также хотел сказать: «Кто бы ни убил Смита – он безумен». Но, очевидно, репортер хотел сказать нечто другое: «Тот человек, которого вижу перед собой и которого я считаю убийцей Смита, безумен». При таком прочтении это утверждение является истинным.

Таким образом, одно и то же предложение «Убийца Смита безумен» может использоваться для обозначения совершенно разных вещей в разных контекстах. Соответственно, существуют контексты, в которых «Нынешний король Франции не лыс» является ложным, поскольку никто не является нынешним королем Франции, и контексты, в которых это предложение относится к человеку, которого говорящий считает нынешним королем Франции. Во втором случае его истинность зависит от того, лыс или нет этот предполагаемый король. Сол Крипке, вступая в дискуссию по этому вопросу, защищает анализ определенных описаний Рассела и утверждает, что Доннеллан был не прав, когда писал, что в вышеприведенном примере в случае с репортером его утверждение может быть истинным [4, p. 295]. В любом случае оно основано на неверном использовании имени. Когда репортер узнает, что Джонс не был убийцей, он признает, что сделал ошибочное высказывание.

Теперь мы можем рассмотреть общую стратегию Рассела – стратегию, которой придерживаются большинство последующих теорий языка, даже если они расходятся с Расселом в частности. Рассел смотрит на поверхностную форму языка и находит ее обманчивой. Кажется, что «пишущая машинка» относится к пишущей машинке, что «король» относится к королю, и т. д. Но он убежден, что такая теория, основанная на поверхностной форме языка, доставляет нам лишь неприятности. Язык имеет поверхностную форму, которая предполагает определенный вид отношения к миру, но ее значение зависит от лежащей в основе логической формы, которая имеет другую структуру и другой вид отношения к миру. Сама картина мира, возникающая из логической формы, отличается от той, которую предлагает поверхностная форма языка. То, что верно для языка, верно и для мысли.

Отталкиваясь от своей теории референции, Рассел привносит новые идеи в теорию познания и онтологию. Для Рассела теория референции лежит в основе философии, ибо она говорит нам, как наши слова связаны с миром. Это, в свою очередь, говорит нам о том, как наши мысли соединяются с миром. И это говорит нам кое-что о самом мире. Следствием теории референции является то, что почти все наши мысли связаны с реальностью лишь опосредованно. Рассел подвергает критике традиционное различие между знанием, полученным через опыт, и знанием, полученным через описание. Традиционно считается, что если мы видим Джейн, то наше знание о том, что «Здесь находится Джейн» – это непо-

средственное знание. Но Рассел утверждает, что все наши знания – это знания, полученные через описания. Все имена, говорит он, – это замаскированные описания. Имена, описания и предложения, содержащие их, включают знание через описание. Наше знание о том, что Джо здесь, что Джейн работает, что свет горит и проч., является знаниями, полученными через описания. Что действительно является непосредственным, опытным знанием? Только знание о наличии у нас некоторых комплексов ощущений, которые мы затем подводим под некоторые описания. С традиционной точки зрения, если мы видим огонь и ощущаем его жар, то у нас есть непосредственное знание о том, что в этом помещении горит огонь. Если мы сделали умозаключение, то у нас есть выводное знание. Например, мы видим дым и делаем умозаключение: «Везде где есть дым, горит огонь. Из-за этого помещения идет дым. Следовательно, в этом помещении горит огонь». Однако, согласно концепции Рассела, даже если мы видим огонь, наше знание все равно является выводным. В данном случае имеет место следующий вывод: «В моем опыте мне дан комплекс ощущений. Этот комплекс ощущений соответствует описанию огня. Следовательно, здесь горит огонь». Но такие умозаключения осуществляются столь быстро и являются столь привычными, что мы не замечаем их и поэтому принимаем выводное знание за непосредственное.

Наши связи с реальностью, согласно Расселу, опосредованы множеством понятий. Единственные прямые связи существуют не с вещами в мире, как они обычно понимаются, а с содержанием наших непосредственных переживаний. Мы имеем прямой доступ лишь к цветовым пятнам, звукам, вкусам, запахам и т. п., но не к вещам, из которых состоит внешний мир. Он приходит к выводу, что объекты, которые мы, как нам кажется, воспринимаем, являются логическими фикциями. Они не являются в конечном счете реальными. Что же реально? Непосредственное содержание чувственного опыта: это цветное пятно, этот звук, всё то, что называется чувственными данными. То, что мы обычно называем объектами, – это системы, ряды чувственных данных, коллекции действительных и возможных переживаний. «Реальные» из них – те, что систематически взаимосвязаны с другими такими же объектами. Тогда как нереальные (например, сновидения и галлюцинации) – не имеют систематических связей с остальным чувственным опытом. Рассел утверждает, что существование – это вопрос корреляции. До сих пор речь шла об объектах. Что же в этом случае можно сказать о субъекте, о нашем «я»? Обладает ли оно реальностью большей, чем реальность внешних объектов? Нет – «я» тоже всего лишь цепочка переживаний. Итак, Рассел начинает с позиционирования себя в качестве реалиста и эмпирика, но заканчивает утверждением о том, что объекты – это логические фикции, сконструированные из элементов чувственного опыта.

Уиллард Ван Орман Куайн (1908–2000), известный своим друзьям как «Ван», получил докторскую степень по философии в Гарварде, провел время в Вене, обучаясь у членов Венского кружка, а затем всю свою дальнейшую преподавательскую детальность вел в Гарварде. Он писал

о логике и, как и его наставники в Венском кружке, видел в мире логическую структуру. «Быть, – говорил он, – значит быть значением связанной (квантором) переменной». Однако его книги «С логической точки зрения» и «Слово и объект» отходят от четких логических линий Витгенштейна в сторону прагматизма и даже релятивизма и скептицизма. Он применяет свои аргументы даже к самым элементарным вопросам.

Перефразируя Канта, можно сказать, что философия занимается тремя вопросами. Что существует? Как мы можем знать? И что нам делать? Куайн сосредотачивается, прежде всего, на первом вопросе, основном вопросе метафизики или онтологии: «Что существует?». Куайн шутит, что ответ очевиден: «Все», – но есть место для разногласий по поводу конкретных случаев. В своих ранних произведениях Куайн обращается за помощью к логике. В отличие от Витгенштейна он не находит в логике ответа на вопрос о том, что существует. Но он делит вопрос на два. Вместо того, чтобы сразу спросить, что существует, он спрашивает: «Как ты думаешь, что существует? Что об этом говорит твоя теория?» – а затем задает вопрос: «Какую теорию мы должны принять?» Надо начать с того, что звучит как простой вопрос: «Что, согласно данной теории, существует?» – а затем, чтобы ответить на глубокий философский вопрос: «Что существует?», – необходимо просто выяснить, какую теорию следует принять. Мы решаем это так же, как решаем научные вопросы, – на основе данных. Обращаясь к логике, Куайн действительно находит ответ на вопрос о том, что существует, согласно теории или конкретному человеку. В этом суть его лозунга: «Быть – значит быть значением переменной». Чтобы выяснить, что, по вашему мнению, существует, мне достаточно изучить ваши высказывания. Вы говорите: «На прилавке лежат яблоки», – я заключаю, что вы думаете, что существуют яблоки, и, если я согласен с Расселом в отношении описаний, как это делает Куайн, то я также заключаю, что вы думаете, что существует прилавок. Подобные высказывания обязывают нас признавать существование того, о чем мы говорим. Но всё не так просто. Мы можем перефразировать некоторые предложения, которые, кажется, обязывают нас признавать существование чего-то, в эквивалентные предложения, которые этого не делают. Рассмотрим предложение: «I did it for the sake of the revolution!» = «Я сделал это ради революции!». Может показаться, что это предложение обязывает говорящего признавать существование не только революции, но и некоего «sake». В английском языке оборот «ради революции» содержит два существительных: «revolution» и «sake». Но никто не думает, что есть такая вещь, как «sake». Предложение означает что-то вроде: «Я сделал это, чтобы способствовать революции». И в нем не говорится о «sake». Если перейти к более серьезному примеру, то мы можем сконструировать всю математику на основе теории множеств. При этом мы не обязаны признавать существование чисел, функций и других математических объектов; нам нужны только множества.

Перейдем теперь ко второму куайновскому вопросу: «Какую теорию мы должны принять?». Если считать научные теории лучшим описани-

ем мира, то физики должны были бы рассказать нам о том, что же существует. Исходя из позиции Куайна, мы можем заменить предложения о желаниях, убеждениях и мыслях и, тем более, о чайниках, камнях и деревьях предложениями, которые относятся только к объектам научного образа мира. Если бы мы могли это сделать, то наши научные теории связывали бы нас только с объектами науки.

Однако, в «Слове и объекте» и «Онтологической относительности» Куайн идет еще дальше. Он считает, что, когда дело доходит до метафизики, вопрос о том, что существует, не имеет смысла – ни вопрос о том, что есть, ни даже о том, во что кто-то верит, что оно есть. Его аргумент основан на концепции радикального перевода. Предположим, что для получения ученой степени по лингвистике аспиранты отправились в отдаленное место и изучали язык, который ранее не изучался и не имеет письменности. Они создадут алфавит для языка, составят словарь и напишут руководство по грамматике. Задача – радикальный перевод, перевод на известный язык. Представьте себя лингвистом в джунглях, впервые переводящим с незнакомого языка. Вы идете вместе с туземцем, чтобы наблюдать за его языковым поведением. Туземец говорит: «Гавагай». Что он имеет в виду? Вы смотрите и замечаете, что абориген говорит «гавагай» тогда и только тогда, когда рядом находятся кролики. Как следует переводить «гавагай»? Ответ кажется очевидным: переведите «гавагай» как «кролик». «Но подождите!» – говорит Куайн. Это будет более произвольным переводом, чем кажется. Возможных переводов много. Некоторые варианты представляют собой предложения:

- О! Кролик!
- Там кролик.
- У нас есть кролик.
- О! Снова кролик.
- Это кролики.
- Это снова кролик.

Некоторые варианты представляют собой термины:

- Кролик,
- Один или несколько кроликов,
- Временной сегмент жизни кролика,
- Неразделенные части тела кролика,
- Кроличья сущность,
- Событие жизни кролика.

Везде, где есть кролик, есть также части тела кролика. Везде, где есть кролик, он проявляет кроличью сущность, и т. д. Выбирая один из этих переводов, мы не узнаем, что на самом деле означает это слово или что на самом деле думает местный житель. Мы вчитываем нашу собственную онтологию, нашу концептуальную схему в язык туземца.

Куайн утверждает неопределенность перевода. Мы можем перевести слово «гавагай» по-разному. Выбираем только мы; языковое поведение туземцев не может сделать выбор за нас. Этот пример с «гавагаем»

касается перевода, но он также касается референции. Туземец говорит «гавагай». Что является референтом, когда туземец произносит это слово? Кролики? Кроличья сущность? Части тела кроликов? Мы понятия об этом не имеем. Ничто в языковом поведении туземца не определяет это. Но мы можем подумать, что достигнем некоторого прогресса, спрашивая не о том, что имеет в виду туземец, а просто о том, к чему относится выражение «гавагай». Но это не так. Референция остается непонятной. Очевидно, что с практической точки зрения лингвист должен записать в свой словарь: «Гаваягай (существительное): кролик». Было бы странно написать без дополнительных лингвистических доказательств:

«Гаваягай (предложение): Это кролики».

Или: «Гаваягай (существительное, единственное число): голова кролика».

Или: «Гаваягай (существительное, множественное число): неразделенные части тела кролика».

Но при этом вы делаете выбор. Этот выбор не навязан вам поведением туземца. Вы – тот, кто делает выбор. Это разумный выбор, и Куайн не рекомендует другого. Но делая это, вы вчитываете свою онтологию, свою метафизику в язык туземца. Вы можете перевести «гавагай» как любое из вышеперечисленных слов, если внесете соответствующие коррективы в оставшуюся часть своего словаря. Смысл аргумента Куайна на первый взгляд звучит скептически: есть много вещей, которые может означать слово «гавагай», совместимых со всем реальным и возможным языковым поведением туземцев. Итак, вы можете решить, что вы не способны точно сказать, что имеет в виду туземец; у нас нет метафизически нейтрального способа сказать, какова на самом деле онтология аборигенов, т. е. то, что туземцы на самом деле думают о ней. Но позиция Куайна на самом деле более радикальна. Дело не в том, что у туземца есть какая-то метафизика – метафизика проявленной сущности кроликов или неразделенных частей кролика, метафизика событий кроличьей жизни, буддийская метафизика временных сегментов кролика или платоническая метафизика кроличьей природы – и что мы в принципе можем сказать, в чем она заключается. Фактически ее нет. Точка зрения Куайна состоит не в том, что онтология туземцев непостижима. Она заключается в том, что тут нечего постигать. Ничего реально не изменится, если лингвист станет двуязычным и начнет думать, как туземцы, что бы это ни значило. Ибо произвольность вчитывания наших объективаций в туземную речь отражает не столько непостижимость туземного ума, сколько то, что тут нечего исследовать. Вернемся к центральному вопросу метафизики: «Что существует?» Куайн сначала задает, казалось бы, более простой вопрос: «Как вы думаете, что там существует?». Смотрит на языковое поведение туземцев и приходит к выводу, что нет того, по поводу чего можно спросить: «Какова онтология туземца?». Далее Куайн переходит к нашим собственным онтологиям, основанным на науке. И здесь ситуация оказывается не лучшей. Наука не может выйти за пределы своей концептуальной схемы. Таким образом, хотя мы ставим научный вопрос

о том, какую теорию мира следует принять, мы не можем поставить метафизический вопрос о том, что существует. Даже если предположить, что нам удалось построить полную теорию мира, мы не будем знать, что существует, исходя из этой совершенной теории. При попытке задать такой вопрос мы неизбежно будем ограничены концептуальной схемой научного мировоззрения.

Куайн приводит слова Архимеда, который сказал, что он смог бы сдвинуть Землю, если бы только мог найти место, чтобы стоять. Мы могли бы сказать, что туземец имеет в виду, к чему относится его референция, что он полагает существующим, если бы мы только могли найти место, чтобы стоять за пределами нашей собственной концептуальной схемы, за пределами нашей собственной онтологии, если бы могли найти способ перейти на нейтральную территорию. Но нет никакого нейтрального места, на котором можно стоять. Хотя существует мнение, что наши собственные способы полагания объектов и понимания природы ценны тем, что они позволяют понять другие культуры, находясь вне их, они все-таки не являются нейтральной почвой. При наблюдении других культур, мы обычно вчитываем наши собственные способы интерпретации вещей. Конечно, мы могли бы попытаться вчитать некоторый другой, экзотический способ интерпретации вещей, отличный от нашего. Существует движение этнопсихологии, которое предлагает идти в чужие культуры и выяснять их философские взгляды, наблюдая за поведением, переводя языки, задавая носителям языка и «мудрецам» вопросы, и т. д. Этот подход особенно популярен, когда речь идет о культурах, в которых нет письменных философских текстов. Оказывается, однако, что быть мудрым в смысле практической мудрости, т. е. знания, что делать в самых разнообразных ситуациях не значит быть в состоянии сформулировать развитую философскую теорию. Мудрый в практическом плане человек может даже считать смешными попытки выработать философскую теорию чего-либо. Подобное отношение к философии мы можем часто встретить у деревенских мудрецов. Попытки этнопсихологов реализовать свою программу могут быть или менее удачными. Но Куайн говорит, что в некотором отношении этнопсихология не работает вовсе. Лингвистическое поведение туземцев не может решить вопрос о том, что они считают существующим. Мы можем вчитать наши собственные категории в высказывание туземцев, но это мало поможет нам понять, что это высказывание фактически для них означает. Предположим, что мы нашли группу, которая говорит, что внутри каждого объекта есть что-то (обозначаемое некоторым термином), делающее его тем, что оно есть, и заставляющее делать то, что он делает». Как мы должны перевести термин, употребляемый туземцами? Сила? Дух? Энергия? Природа? Сущность? Это будет очень трудно сделать, если сама культура, в отличие от нашей, не проводит различия между этими понятиями.

Куайн делает вывод, что референция и онтология являются относительными, обусловленными нашими собственными способами мышления. Мы могли бы знать необходимые и достаточные условия произне-

сения каждого возможного акта высказывания на иностранном языке, но при этом не зная, в какие объекты верят его носители. Мы не только не можем сказать, что нечто существует; мы не можем даже, строго говоря, сказать, что некто верит в то, что оно существует. Мы можем только создать достаточно произвольное руководство по переводу. Не имеет смысла вопрос о том, какой перевод является полностью правильным. Но это не только проблема перевода. Онтологическая относительность начинается дома, в своей культуре. Все вышесказанное верно и для нас. За пределами нашей собственной концептуальной схемы для нас нет ничего, о чем мы могли бы спросить, верим ли мы в это. Мы можем философствовать только с точки зрения концептуальной схемы, принадлежащей научной эпохе. В этой схеме нет ничего уникально истинного или уникально ложного. Но Куайн говорил о ней, что это лучшая схема, которую он знает.

Сол Крипке произвел революцию в мире современной философии посредством множества статей, лекций и книг, изменивших направление философской мысли XX в. Свою первую научную работу он написал еще будучи школьником. Крипке переосмыслил идею Лейбница о том, что логическая непротиворечивость есть критерий истины во всех возможных мирах. Возможный мир – это один из вариантов существования мира. Лейбниц считал, что Бог изучает все возможные миры и затем выбирает лучший, чтобы его создать. Крипке отталкивается от этой идеи, позволяя нам рассмотреть логическую непротиворечивость и возможность мира не только с божественной, но и с человеческой точки зрения. Для нас необходимое и возможное со временем меняются в зависимости от наших действий. Крипке сумел это обосновать и тем самым поспособствовал развитию нового направления логики. Важнейшее место в философии Крипке занимает теория референций.

Язык – это основная забота философов-аналитиков, особенно использование языка для выражения концепций и обозначения единичных объектов. В книге «Именование и необходимость» [5] Крипке рассматривает несколько вопросов, важных для аналитической философии:

Как имена относятся к вещам в мире?

Все ли утверждения, которые могут быть известны априори, необходимо истинны, и все ли утверждения, которые известны апостериори, случайно истинны?

Обладают ли предметы (в том числе люди) какими-либо существенными свойствами?

Какова природа идентичности?

Крипке отталкивается от концепции Бертрانا Рассела. В соответствии с теорией конечных дескрипций (описаний) Бертрана Рассела определения «телефон», «пишущая машинка», «восьмиканальный магнитофон» не просто относятся к конкретным объектам материального мира. По утверждению Рассела, предложения с этими словосочетаниями суть общие утверждения о мире, определяющие единственный конкретный объект как телефон и наделяющие этот объект некими качества-

ми. В целом между нами и реальностью существует область концептов. И наше взаимодействие с миром складывается опосредованно, через имеющиеся концепты. Мы непосредственно не ссылаемся на объекты в мире. Традиционно логики считали некоторые высказывания о конкретных объектах мира единичными. Хрестоматийные случаи – высказывания, содержащие имена собственные: «Никсон подал в отставку»; «Аристотель был древнегреческим философом»; «Цицерон обличал Катилину»; и т. п. Данные утверждения, кажется, непосредственно приписывают объектам свойства и отношения. Однако Рассел придерживался того взгляда, что имена собственные являются синонимами дескрипций. А значит, они не соединяются с объектами напрямую – только посредством концептов. Таким образом, высказывания, содержащие имена собственные (подобные тем, которые включают дескрипции), действительно составляют общие утверждения о мире. Крипке отвергает эту точку зрения. Он считает, что мы можем иметь непосредственные, прямые референции по отношению к объектам этого мира. Начинает он с точного изложения теории дескрипций. С точки зрения Рассела, имена собственные действительно сокращают дескрипции. Называть имя собственное – значит держать в уме дескрипцию, которая указывает на уникальный объект, или же по меньшей мере подразумевать набор дескрипций, которые указывают на объект сообща – из-за того, что он походит под все эти описания или наиболее значимые из них. Рассмотрим имя «Аристотель». Оно может быть частью фразы: «самый известный ученик Платона» или «учитель Александра Македонского», или «последний великий философ античности». Также оно может быть и частью комбинации этих или каких-либо других фраз. Возьмем имя «Никсон». За ним могут стоять фразы: «вице-президент Эйзенхауэра», «тот, кто проиграл Кеннеди в 1960 г.», «избранный президентом в 1968 г.», «переизбранный в 1972 г.», и т. д. Согласно этой точке зрения, высказывания вроде «Аристотель был самым известным учеником Платона, учителем Александра Македонского, последним великим философом античности» и «Никсон был избран президентом в 1968 г. и переизбран в 1972 г.» должны быть логически необходимыми. Они должны быть истинными по определению и, следовательно, априорными. А значит, их содержимое должно передаваться независимо от опыта слушателя, вместе с узнаванием имени Аристотеля или Никсона, что невозможно. Является ли необходимой истиной тот факт, что Аристотель был последним великим философом античности? Разумеется, нет. Аристотель вообще мог выбрать другую стезю. Также и Александр Македонский мог в иных обстоятельствах стать философом, а не полководцем. Можно ли назвать необходимой истиной то, что Аристотель был самым знаменитым учеником Платона? Снова нет: он мог учиться не у Платона. А тот факт, что Никсон проиграл на выборах в 1960 г., победил в 1968 г. и был переизбран в 1972 г.? Разумеется, нет. Любые из выборов могли пройти иначе. Кроме того, мы не можем узнать обо всём этом, просто научившись употреблять имя «Никсон». Таким образом, ни одно из этих высказываний не является апри-

орным. Общая точка Крипке такова: имена суть жесткие десигнаторы – они выделяют общее в каждом возможном мире. Когда я думаю о том, что мог бы сделать Никсон, я думаю о том, что мог бы сделать «Никсон», а не о том, что мог бы сделать вице-президент Эйзенхауэра, что мог бы сделать победитель выборов 1968 г. и т. д. Крипке отрицает утверждение Рассела о том, что имена являются замаскированными определенными описаниями. Он подставляет другую картину употребления имен. Кто-то дает кому-то имя. По его словам, существует первоначальное «крещение», при котором кто-то называет объект, например, родители Никсона называют его «Ричард Никсон». Затем другие люди учатся использовать имя через причинно-следственную цепочку – получатель узнает имя от того, кто знает, как его использовать, намереваясь сослаться на то же самое. Итак, другие люди узнают имя Ричард Никсон от его родителей, из больницы и т. п. Другие учатся у них и т. д. Важно, чтобы они намеревались использовать одно и то же имя для одного и того же объекта. Если кто-то назовет своего кота «Никсон» и затем позовет его, он не будет иметь в виду 37-го президента США. Крипке говорит, что между мной и реальностью существует прямая связь. Мы не отделены от реальности облаком концепций; мы напрямую контактируем с реальностью. Вещи, сами по себе относятся к определенным видам, обозначаемым естественными видовыми терминами, такими как «река», «человек» и т. д. У нас есть прямая, непосредственная связь с реальностью, которая не зависит от того, что мы думаем и говорим.

Литература

1. *Russell Bertrand*. On Denoting / Bertrand Russell // *Mind*. – New Series. – Vol. 14, № 56. (Oct., 1905). – P. 479–493.
2. *Neale Stephen*. Descriptions / Stephen Neale. – Cambridge, Mass. : MIT Press, 1990.
3. *Donnellan Keith*. Reference and Definite Descriptions / Keith Donnellan // *Philosophical Review*. – 1966. – № 75. – P. 281–304.
4. *Salmon N. U.* Metaphysics, Mathematics, and Meaning / N. U. Salmon. – Oxford : Clarendon, 2005. – 419 p.
5. *Kripke Saul*. Naming and Necessity / Saul Kripke. – Harvard University Press, 1980. – 280 p.

Воронежский государственный университет

Арапов А. В., доктор философских наук, доцент

E-mail: arpv@mail.ru

Voronezh State University

Arapov A. V., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

E-mail: arpv@mail.ru